

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-----------------------	---

«ОКОПНАЯ ПРАВДА»

Там, в окопах...	17
Отповедь генералам	47
О Дне Победы	62

ВОЙНА И МЫ

У нас за спиной война	69
Перед мертвыми и живыми...	99
Снова о «правде войны»	110
Из книг о войне	122

НИКОМУ НЕ НУЖНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

Жестокая, но необходимая правда	133
Дремлющий разум	165
Мы оставляем плохое наследство	184
Никому не нужные победители	192
Русский народ так и не восстановился после войны	196
Завещание	200

Предисловие

Виктор Астафьев мог бы на фронт и не идти. По окончании фабрично-заводского училища ему, как дипломированному железнодорожнику — составителю поездов, выдали «бронь».

Игарский детдомовец и сирота Витька Астафьев за зиму перед войной окончил шестой класс. Далее находиться в социальном заведении ему не разрешили, вышел возраст. Надо было начинать самостоятельную жизнь, думать о дальнейшей судьбе, а, значит, и как-то выбираться с Севера. Денег на дорогу юноша заработал сам, поступив коновозчиком на кирпичный завод, существовавший в те годы в Игарке. Подросток забирал на лесокombинате опилки, грузил их на телегу и вез к топкам, где обжигались кирпичи. К лету необходимая сумма денег для покупки билета на пароход была скоплена, а в Красноярске Виктор поступил учиться в железнодорожную школу фабрично-заводского обучения № 1 на станции Енисей — прообраз современного профтехучилища.

На Западе уже гремела вся война. Почти без отдыха, вечно голодные, по сути, еще дети, Виктору едва исполнилось восемнадцать, юные железнодорожники постоянно были заняты делом. На станцию Базаиха один за другим прибывали эшелоны с оборудованием эвакуированных заводов, людьми. На одном из поездов из Ленинграда, отцепили вагон, в него по пути следо-

вания из блокадного города, переносили и складировали умерших. Виктора включили в погребальную группу. Как потом он писал в «Последнем поклоне»: «Похоронами я был не просто раздавлен, я был выпотрошен, уничтожен ими, и, не выходя на работу, отправился в Березовку, в военкомат — проситься на фронт». Случилось это спустя всего четырех месяцев с начала его трудовой биографии.

Доброволец Астафьев в 1942 году был направлен вначале в 21-й стрелковый полк, находившийся под Бердском, а затем его перевели в 22-й автополк в военном городке Новосибирска, и только весной 1943-го отправили на передовую...

В девяностые Виктор Петрович написал самое главное свое произведение о войне — роман «Прокляты и убиты». Написал, несмотря на идущую в периодической печати травлю писателя. Такую хлесткую и беспощадно емкую оценку войне, заключенную уже в самом названии романа, мог дать только человек, имевший огромную смелость, перенесший страдания и сказавший открыто то, что сразу перечеркнуло все созданные ранее мощной монументальной пропагандой художественные произведения о героике войны.

Он писал: «Я был рядовым бойцом на войне и наша, солдатская правда, была названа одним очень бойким писателем «окопной»; высказывания наши — «кочкой зрения».

И вот его «окопные постулаты», родившиеся с первых дней нахождения в учебной части под Новосибирском: никакой серьезной подготовки, никакого обучения молодых, необстрелянных бойцов не велось. «О нас просто забыли, забыли накормить, забыли научить, за-

были выдать обмундирование». По словам Астафьева, когда они, наконец, прибыли из запасного полка на фронт, войско было больше похоже на бродяг. Это были не солдаты, а истощенные уставшие старички с потухшими глазами. От недостатка сил и умения большинство из них погибало в первом же бою или попадало в плен. «Они так и не принесли Родине той пользы, которую хотели, а, главное, могли принести».

Большинство солдат ходило в гимнастерках со швом на животе. Такие же швы были и на нательном нижнем белье. Многие не знали, отчего этот шов, недоумевали, объяснение же было простым — одежда была снята с мертвых. Так ее не снимешь, только разрезать надо, потом зашить. Поняв это, и сами солдаты стали таким образом одеваться, снимая одежду с мертвых немцев — те к войне готовились по-серьезному, сукно было добротным, меньше изнашивалось. Украинские крестьянки, а именно на Украине начинался боевой путь солдата Астафьева, зачастую принимали наших солдат за пленных немцев, не понимая, кто перед ними в столь жалком облачении. Астафьеву досталась гимнастерка с отложным воротничком, видимо, младшего офицера, но в ней больше вшей водилось — вот и все ее преимущество. Только в декабре 1943 года часть, наконец, обмундировали.

Воевал рядовой Виктор Астафьев в 17-й артиллерийской, орденов Ленина, Суворова, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса основной ударной силы 1-го Украинского фронта. Корпус был резервом Главного командования.

«Веселый солдат» Виктор Астафьев был шофером, артиллеристом, разведчиком, связистом. Не штабным телефонистом, а линейным надсмотрщиком, готовым по первому приказу командира ползти под пули, разыскивая порыв на линии. Вот так писал он сам о специфике своей военной должности телефониста впоследствии: «Когда руганный-переруганный, драный-передраный линейный связист уходил один на обрыв, под огонь, озарит он последним, то злым, то горестно-завистливым взглядом остающихся в траншее бойцов, и хватаясь за бруствер окопа, никак одолеть не может крутизну. Ох, как он понятен, как близок в ту минуту и как же перед ним неловко — невольно взгляд отведешь и пожелаешь, чтобы обрыв на линии был недалеко, чтобы вернулся связист «домой» поскорее, тогда уж ему и всем на душе легче сделается».

Связисты и возможность смертельного исхода испытывали чаще других, и радость жизни у них была острее. Печальная статистика боевого пути воинов, призванных Игарским военкоматом, подтверждает сказанное: северяне зачастую назначались связистами, а среди них был большой процент как погибших, так и — получивших награды. Вторит этому и боец Астафьев: «И когда живой, невредимый, брякнув деревяшкой аппарата, связист рухнет в окоп, привалится к его грязной стенке в счастливом изнеможении, сунь ему — из братских чувств — недокуренную сигарку. Брат-связист ее потянет, но не сразу, сперва он откроет глаза, найдет взглядом того, кто дал «сорок», и столько благодарности прочтешь ты, что в сердце она не вместится».

Впрочем, и правительственной наградой командования был оценен труд «линейщика». В бою 20 октября

1943 года красноармеец Астафьев четыре раза исправлял телефонную связь с передовым наблюдательным пунктом. «При выполнении задачи от близкого разрыва бомбы он был засыпан землей. Горя ненавистью к врагу товарищ Астафьев продолжал выполнять задачу и под артиллерийско-минометным огнем, собрал обрывки кабеля, и вновь восстановил телефонную связь, обеспечив бесперебойную связь с пехотой и ее поддержку артиллерийским огнем» — так написано в наградном листе при представлении старшего телефониста Астафьева к медали «За отвагу»...

Вот бы сейчас посмеялись мы над литературными опусами штабного писаря, но Виктор Петрович сей документ и в глаза, возможно, не видел, а потомкам оставил воспоминания совсем иного плана:

По признанию Астафьева, именно война стала причиной того, что он взялся за перо. В начале 50-х Виктор Петрович ходил в литературный кружок, открытый при местной газете «Чусовской рабочий» на Урале, там однажды услышал он короткий рассказ одного писателя — в войну политработника. Война у того была красивой, а главное, что возмутило, об этом писал тот, кто тоже был на передовой. У Астафьева, по его словам, аж зазвенело в контуженной голове от такого вранья. Придя домой и, успокоившись, он решил, что единственный способ бороться с ложью — это правда. И за ночь на одном дыхании написал свой первый рассказ «Гражданский человек» (современное название «Сибиряк»), в котором описал свою войну, какую он видел и знал. И это было лишь началом.

Приводя этот известный факт, биографы писателя не всегда добавляют, что вернуться с войны бывшему

детдомовцу было некуда. Вместе с женой-фронтовичкой он отправился в ее родной уральский городишко Чусовой. Осмелевшие за войну квартиранты-переселенцы не думали освобождать семье фронтовика занятый ими и не оплачиваемый флигелек во дворе. Вернувшийся с войны майор-свояк, занял лучшее в доме место в комнате на втором этаже, забив до отказа помещение трофейным тряпьем и «через губу» разговаривал с младшим по званию Виктором, вынужденным ютиться с молодой женой в кухне за печкой на полу. Виктор то снег разгробал, то вагоны разгружал, прежде, чем получил место сторожа на колбасном заводе, где в ночную смену и родился этот рассказ. Поведала об этом жена писателя Мария Корякина. Рассказала не только о перипетиях семейной жизни вернувшихся с войны фронтовиков, но и об умершей от диспепсии в младенческом возрасте дочке Лидочке. У молодой матери от постоянного недоедания не было достаточного количества молока.

Естественно, что переполнявшей начинающего автора темой стали события минувшей войны. В актив рождающегося писателя в 1960 году добавляется лирическая повесть «Звездопад», а в 1971 «Пастух и пастушка». Современная пастораль — вносит автор пометку в подзаголовок последней. Обе повести поэтичные, трогательные и трагичные произведения о первой любви, искалеченной, погубленной войной.

Впрочем, если в «Звездопаде» автор воздерживается от рассказов о боях, перенеся действие в военный госпиталь, то уже в «Пастухе и пастушке» начинают появляться страшные эпизоды, навечно засевшие в память солдата. Война калечит молодые души героев, она

же стирает хорошее, оставляя ярчайшее, однажды невольно подмеченное, в мозгу засевшее и продолжающее мучить кошмарами автора.

Вот рассказ о привале в осеннем припорошенном снежком лесу, то ли на поляне, то ли на болотце. Подложив под себя на кочку пучок вырванной торчащей из снега сухой травы, сидит солдат Астафьев, хлебает быстро остывающий суп. Чувствует, что-то склизко под ним, встал, «твою мать, немец, вмерзший в землю подо мной. Ну чего? ... стерни побольше наложил и обратно сел. Некогда, и жрать охота. Вот так вот втягиваешься в войну. Говорят, опыт войны. Вот оно. Чтоб ты мог жрать, как скотина последняя, спать, как скотина последняя, терпеть вошь... Помню, у нас щеголеватый был офицер, двумя руками в голову залез: «Ну, до чего надоели эти вши»».

Для Астафьева — самое страшное на войне — привычка к смерти. Когда смерть становится повседневной, обыденной и уже не вызывает никаких эмоций, когда можно сидеть и без отвращения есть на замерзшем трупe противника.

Страшные потрясения юного Астафьева, продолжающие тревожить память его и пожилого, — когда при отступлении от Житомира по отступающим, уже убитым, разбитым, шли наши танки, машины, транспортеры: «...в шоссе, в жидкой грязи трупы, раскатанные в фанеру, только кое-где белые косточки вылезут, и зубы... Танки идут, гусеницы наматывают, шинеленку, кишки, вот такое эстетическое зрелище».

Самое тяжелое и трагичное в воинской биографии Астафьева — это форсирование Днепра осенью 1943 года. В воду, без подготовки, без передышки, раз-

вивая недавний успех на Курской дуге, солдаты прыгали голыми, несли узелки с одеждой и винтовки над головой. Переплывались без специальных плавучих средств, кто как может. На том участке, где плыл Астафьев, из 25 тысяч человек до другого берега добрался только каждый шестой. А таких точек переправы было десятки. В битве за Днепр советские войска потеряли около 300 тысяч солдат: «Большинство потонуло бессмысленно, из-за бездарной подготовки, так ни разу и не выстрелив».

На Днепровском плацдарме Астафьеву повредило глаз и серьезно контузило:

— Пакостно ранило в лицо. Мелкими осколками кассетной бомбы, или батальонной мины и крошечном камней... повредило глаз, раскровенило губы, лоб, ребятам боялись до медсанбата не доплавать, — рассказывал он впоследствии.

В районе польского города Дукла Астафьев получил тяжелое сквозное пулевое ранение левого предплечья с повреждением кости:

— Когда ранят — по всему телу идет гулкий удар, откроется кровь, сильно-сильно зазвенит в голове и затошнит, и вялость пойдет, будто в лампе догорает керосин, и желтенький, едва теплящийся свет заколеблется и замрет над тобой так, что дышать делается боязно и всего пронзит страхом. И если от удара заорал, то, увидев кровь, — оглох от собственного голоса и звона, ужаснулся в себе, припал к земле, боясь погасить этот исходный свет, этот колеблющийся проблеск жизни.

В действующей армии солдат пробыл до сентября 1944 года, выбыв из нее по тяжелому ранению, о котором говорилось выше, но продолжая мыкаться по не-

строевым частям, выполняя обязанности то почтальона, то конвоира вплоть до конца 1945 года.

Почти каждой семье коснулась война своим смертельным крылом. Были трагические потери и в семье Астафьевых. 24 сентября 1942 года под Сталинградом погиб его дядя — родной брат отца Иван, до войны — рубщик на лесобирже Игарского лесокомбината. Как передовика производства в мирное время его портрет был помещен на городскую Доску Почета, а сам юноша направлен на учебу в Ачинский сельхозтехникум. В войну Иван Астафьев был телефонистом, или разведчиком, достоверные данные об этом не сохранились. Не знал Виктор Петрович и место его гибели, уточнив судьбу дядьки только спустя десятилетия после окончания войны. Помог ему в этом волгоградский собрат-писатель, что интересно, родившийся в Игарке Борис Екимов.

Еще один дядька писателя — Василий, всего лишь на десять лет старше Виктора при его рождении стал крестным отцом. Балагур, весельчак, любимец женщин, прозванный за неумный характер «Сорокой» он был ближе всех Виктору в юношеские годы. Его в феврале 1942 провожал Виктор на фронт из Красноярска. Василий, хитростью обойдя военную цензуру, дал Виктору знать, что, дескать, воюет танкистом с ним рядом, на Украине. На Лютежском плацдарме под Киевом был тяжело ранен, направлен в госпиталь, но в пути был обозначен как без вести пропавший. Виктор, как сам впоследствии признается, придумал встречу с ним, уже мертвым, описав ее в вышеупомянутой главе романа «Последний поклон». На самом деле, последнее пристанище солдата неизвестно.

Фронтальная биография рядового Виктора Астафьева отмечена орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «За освобождение Польши». В мирное время писатель Астафьев стал Героем социалистического труда, дважды лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом Государственной премии России, трижды был кавалером ордена Трудового Красного Знамени, награждался также орденами Дружбы, Дружбы народов, Отечественной войны I степени, «За заслуги перед Отечеством» II степени. Он — почетный гражданин городов Красноярск и Игарка.

Как видим, Виктор Петрович Астафьев не только имел моральное право написать, но и просто обязан был сделать это, сказав самое важное, оставив в наследство потомкам то, что пережил сам и его семья, и что, так он считал, не должно было стать для будущих поколений предметом их личного познания и переживания.

Смелчак Астафьев с гражданским мужеством открыто заявлял:

— Нас и солдатами то стали называть только после войны, а так — штык, боец, в общем, — неодушевленный предмет...

И его обвиняли... в отсутствии патриотизма, в клевете на русский народ... Вырывали строчки из сказанных сгоряча фраз, переиначивали его слова, перетолковывали на свой лад. Он же хотел единственного, чтобы общество знало всю правду о войне, а не только официально разрешенную.

Астафьев считал, что преступно показывать войну героической и привлекательной:

— Те, кто врет о войне прошлой, приближают войну будущую. Ничего грязнее, жестче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна. Надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Носом, как котят слепых тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы, иначе ничего от нашего брата не добьешься.

Война ужасна, и в организме нового поколения должен быть выработан устойчивый ген невозможности повторения подобного. Ведь не зря же эпиграфом своего романа «прокляты и убиты» великий писатель, говоря языком сибирских старообрядцев, поставил: «писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты».

*Из газеты «Игарские новости»,
март 2014 года*

«ОКОПНАЯ ПРАВДА»

Там, в окопах...

До войны я жил в детдоме, потом закончил школу ФЗО и трудился составителем поездов возле Красноярска.

В 42-м ушел добровольцем в армию.

Воевал я в 17-й артиллерийской, ордена Ленина, Суворова, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени, дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса основной ударной силы 1-го Украинского фронта. Корпус был резервом Главного командования. Начал он создаваться вместе с другими артиллерийскими соединениями подобного характера по инициативе крупных специалистов артиллерии, каковым был и командир нашей дивизии Сергей Сергеевич Волкенштейн, потомственный артиллерист, человек, крупный не только телом — фигурой, но и натурой, человек с совершенно удивительной биографией, вполне пригодной для захватывающего дух детективного романа. Жаль, что я не умею писать детективы. Так вот, дивизии прорыва, к удивлению, и не только моему, начали создаваться, когда враг был еще у стен Москвы.

В начале 1942 года 17-я артиллерийская дивизия приняла боевое крещение на Волховском фронте. Я тогда еще учился в школе ФЗО, приобретал железнодорожную профессию и, как говорится, «ни ухом ни ры-

лом» не ведал о существовании подобного военного подразделения, точнее — соединения, а будущий командир «моей» дивизии в это время не где-нибудь, а в Красноярске сдавал благополучно им эвакуированное Киевское артиллерийское училище, которым какое-то время он командовал.

Вот именно — соединения! В состав дивизии входили все системы орудий и минометов, имевшихся на вооружении Красной Армии — от 120-миллиметрового миномета и до 203-миллиметровой гаубицы. Только истребительных, противотанковых полков и бригад в дивизии было шесть. Несколько полков и бригад среднего калибра и большое количество орудий — полуторасоток, совершенного, новейшего по тому времени образца. Одна дивизия такого характера и масштаба обладала огромной ударной и разрушительной силой, а ведь в состав 7-го артиллерийского корпуса входило две, затем три дивизии: 17-я, 16-я и 13-я. После объединения Воронежского и Степного фронтов в 1-й Украинский не раз и не два артиллерийские подготовки и прорывы осуществлялись 7-м артиллерийским корпусом с приданным и ему реактивной артиллерией и вспомогательной артиллерией стрелковых и танковых частей.

Первый прорыв наш корпус делал на Брянском фронте, во фланг Курско-Белгородской дуги. И когда «началось!», когда закачалась земля под ногами, не стало видно неба и заволокло противоположный берег Оки дымом, я, совершенно потеряв «рассужденье», подумал: «Вот бы мою бабушку сюда!..» Зачем бабушку? К чему ее сюда? — этого я и по сию пору объяснить не сумею. Очень уж бабушка моя любила меня вышутить, попугать, разыграть, так вот и мне, видать, тоже «попугать» ее захотелось.

Сперва нам, солдатам 17-й дивизии, очень глянулось, что мы не просто солдаты, но еще и из резерва Главного командования. Однако скоро перестало нам это дело нравиться. Полки и бригады дивизии при наступлении придавались стрелковым и танковым соединениям, и командиры их зачастую обращались с нами точь-в-точь, как директора совхозов и председатели колхозов обращались с техникой и механизаторами, присланными с юга на уборочную в Сибирь — снабжали, кормили и награждали нас в последнюю очередь, бросали вперед на прямую наводку, затыкали нами «дыры» в первую очередь. Командиры стрелковых полков и танковых частей были еще ведь и хозяева в своем «хозяйстве», хитрованы немалые, часто прижимистые, себе на уме и, конечно же, берегли «свое добро» как умели, и у кого поднимется рука или повернется язык осудить их за это?

Случалось, и не раз: зайдем огневые позиции, выкинем провода и средства наблюдения на наблюдательный пункт, окопаемся, изготавимся отдохнуть, чтоб завтра вступить в бой, как вдруг команда «сниматься» топать, затем ехать куда-то. На фронт ехали из Калуги ночами, половину машин теряли и потом целый день их разыскивали, плюнув на всякие условности, связанные со словами «военная тайна». Но когда обстрелялись, приобрели опыт, на виду у противника, зачастую по неизвестному или известному лишь командиру дивизиона и начальнику штаба маршруту, в дождь, в снег, в слякоть мчались на новое место затыкать еще одну «дыру», — почти на себе машины и орудия тащили — и никаких ЧП, никто почти не терялся во тьме, не отставал, ибо отстанешь, потеряешься, считай, про-